

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРИ И ТОБОЛЬСКА КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

Статья рассматривает колонизационные процессы в Сибири конца XVI — начала XVIII веков как особый вариант исторического развития и выявляет закономерности формирования сибирского общества и городской культуры Тобольска через анализ этноконфессиональной среды города.

Существует точка зрения, согласно которой в основе расширения сферы действия процессов цивилизации и урбанизации лежит явление *инвазии*, прихода в те или иные области нового населения, привносящего с собой новые традиции организации жизнедеятельности¹. Одним из оснований этого процесса является колонизация. Сопутствующие колонизации и освоению новых территорий про-

цессы миграции порождают особую социокультурную среду². Специфика становления колониального общества также может быть раскрыта через содержание одного из основных понятий культурогенеза — *аккультурации*, понимаемой как процесс взаимодействия культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения различных

культурных традиций *принципиально нового культурного синтеза*. Рассматривая русскую цивилизацию в Сибири как особый вариант историко-культурного развития, настоящая статья представляет попытку реконструкции социокультурного облика сибирского поселенца, стоявшего у истоков городской культуры Тобольска — нововременной столицы региона, исторически значимого, во многом «знакового» для русской культуры центра.

Каждая типологическая стадия развития страны имеет свою преобладающую форму классово-сословной структуры. Одной из самых своеобразных категорий населения русского централизованного государства были *служилые люди*. «Государевы служилые люди» явились основной градообразующей массой населения Тобольска, как и прочих первых русских городов за Уралом. Конец XVI и первой половины XVII века Тобольск, по выражению первого историка-краеведа П. Словцова, проводит «на страже и в боевом порядке». Военная функция явилась первичной и ключевой на начальном этапе существования города. В этот же период за Уралом сложилось «войско» как особый социокультурный организм и завершился начальный этап формирования сибирского казачества.

Казачество в XVI–XVII веках составляли основную часть служилого населения сибирских городов. Хотя Сибирь своим присоединением обязана вольным казакам Ермака, сибирское казачество XVII–XIX веков было служилым, комплектовавшимся по царскому указу и включавшим в свой состав ссыльных, пленных, а также «гулящих людей» и крестьян. В XVI и XVII веках слова «казак» и «служилый человек» на языке и в понятиях того времени были синонимами³. Уездный центр в Сибири XVII–XVIII веков был немислим без гарнизона, численность которого варьировалась от нескольких десятков до двух с лишним тысяч (в Тобольске) человек. Всего в это

время в Сибири насчитывалось более 10 тысяч служилых людей. С 1590 года Тобольск — главный город Сибири, сформировавший самый крупный за Уралом гарнизон, и тобольским воеводам подчиняются все находящиеся за Уралом войска⁴.

Проблема казачества в истории русской и сибирской культуры интересна и сложна прежде всего потому, что при образовании данного субэтнуса очевидна картина полиэтнического смешения и взаимодействия культур. Доминировавшая в советской историографии официальная теория, согласно которой предками казачества являлись вольнолюбивые русские люди, преимущественно крестьяне, бежавшие от феодально-крепостного гнета, не может претендовать на полноту и законченность выражения. Так, сторонники «броднической» теории считают, что само слово-термин «казак» в его многочисленных значениях и смысловых оттенках появилось раньше, чем началась собственно история казачества на восточно-славянской основе. Согласно версии Ю. А. Шилова, древнейшая конница имеет арийские истоки и восходит к образу Гандхарвы (Кентавра). Помимо мифов Индии и Греции, традиция данного мифоритуала легла в основу казачества восточных славян. Данный архетип просматривается и в былинных богатырях Древней Руси, например, в традиции орловского казачества вести свой род от Ильи Муромца⁵. Слово «казак» существовало в языках разных народов и имело различное содержание. Однако преобладающей остается версия о тюркских корнях: в монгольском языке им обозначали военного стража на границе или свободного воина, живущего обособленно⁶.

Исторически сложившаяся полиэтническая основа казачества, как и его социальная открытость, возможность пополнения выходцами из различных сословных групп определили специфику «эмбриональной» основы тобольской городской культуры. Сложившееся в конце

XVI — начале XVII века ядро сибирского казачества представляло собой сложный полиэтнический сплав: «Состав сибирских служилых людей, можно сказать, переполнен был всякими иноземцами до „французан“ включительно»⁷. «Ермаковы» казаки, поставившие Тюмень и Тобольск, пришли к Строгановым с Яика и Волги. В дальнейшем сибирские войска пополнялись, прежде всего, жителями Русского Севера и выходцами из Среднего Поволжья. Среди первых поселенцев Сибири оказалось немало представителей самых различных народов, в том числе и из сопредельных с Россией государств. Тобольск как главный сибирский город имел наибольшее количество всякого рода иноземцев.

Служилые иноземные люди делились на казаков «литовского» и «черкеского» списков. В состав «литовского» списка входили все бывшие подданные Польско-Литовского государства: поляки, белорусы, литовцы, частично украинцы. «Черкескую сотню» составляли выходцы из Украины, Запорожской Сечи, Северного Кавказа, Молдавии и даже Турции. В этническом плане единственная национальность из народов Западной Европы, не обнаруженная в документах, — это англичане. Численность казаков «иноземного» списка достигала 40% от общего числа городского населения. Определенную долю служащих сибирских гарнизонов занимали «новокрещены» — крестившиеся и поверстанные в службу представители коренного населения Сибири. В числе «новокрещенов» могли оказаться представители разных народов, но преобладали татары. Приток иноземцев в Сибирь с течением времени усиливался. Во времена «Смуты» начала XVII века после окончательного поражения польско-литовских интервентов правительство Михаила Романова высылает пленных в Сибирь для пополнения гарнизонов. Последующие наплывы иноземцев в сибирские города были связаны с войнами России со Швецией и Речью

Посполитой (Смоленской 1632–1634, за Украину 1654–1662, русско-шведской 1656–1658). События «смуты» давали много пленных поляков, среди которых различные социальные слои Речи Посполитой (шляхта, «челядники»), а также немцы из числа наемников.

Редкий город центральной части России XVII века находился в таком уникальном этническом сочетании. Не случайно отбывавший сибирскую ссылку протопоп Аввакум, имея в виду количество иноземцев, называл Сибирь «страною варварскою». Данная тенденция сохранялась и для последующих веков. Путешествовавший в 1828 году по Сибири А. Гумбольдт был постоянно окружен повсюду встречавшимися соотечественниками-немцами: министрами, чиновниками, аптекарями, врачами, рабочими. В Тобольске один из сопровождавших ученого коллег отмечал: «Далеко от родины мы почти забывали, что находимся в Сибири»⁸.

Следует учитывать и тот факт, что «иноземцы» в Тобольске XVII века представляли сложный конгломерат лиц не только разной национальности и различного социального положения, но и, что немаловажно, *разного вероисповедания*. Несомненно, в переселенческом обществе социокультурная роль религии значительно выше, чем в старых обществах. Трансплантированная в новую социальную среду, религия становится хранилищем морально-этических ценностей и элементов привнесённой культуры, являясь интегральной частью формирующегося национального сознания и выполняя функцию психологической поддержки. Исторически, будучи культурно и этнически смешанным, казачество не могло ни создать собственной религии, ни, безусловно, предпочесть какую-либо одну с ее жестким регламентом обряда. Внутри казачьей среды сталкивались и взаимодействовали все мировые религии⁹, не случайно в числе составляющих казачьей субкультуры

обычно называют устойчивую веротерпимость.

В колониационном процессе Сибири доминировало славяно-русское этнокультурное ядро. Говоря о конфессиональной основе тобольской культуры, в первую очередь отметим *православие*. Почти одновременно с основанием города в устье реки Тобол монахи Соловецкого монастыря ставят первый в Сибири христианский монастырь Зосимы и Савватия, положив начало статусу Тобольска как духовного центра Сибири и России. В 1621 году в Тобольске учреждается архиепископская кафедра с Софийским домом, преобразованная впоследствии в митрополию. С 1703 года в городе функционирует открытая митрополитом Филофеем Лещинским архиерейская школа, а с 1748 года — духовная семинария.

Значительный удельный вес среди православных Тобольска и Сибири составляли *старообрядцы*. Движение раскольников-старообрядцев широко распространилось в уездах Тобольской губернии со второй половины XVII века, чему способствовала деятельность протоппа Аввакума, имевшего собственный приход в Тобольске¹⁰.

Католическая ветвь в Тобольске образовалась вследствие вливания в казачьи дружины поляков, украинцев, литовцев. После Полтавской баталии в Тобольске оказалось около тысячи шведских офицеров. Немцы принесли *протестантизм* в его различных направлениях. К середине XIX века католические общины в Омске, Томске и Тобольске включали до 400 верующих; более сотни прихожан насчитывали *лютеранские* общины; *иудеев* в Тобольске было 137 человек¹¹. В 1900–1907 годах на средства ссыльных поляков построен костел Пресвятой Троицы в неоготическом стиле, расположившийся у подножия православного кремля. Восстановленный в 2000 году костел, приход которого насчитывает около 300 человек, в настоя-

щее время служит не только тобольским католикам, но также диаспоре на территории Западной Сибири.

Христианство в трех его разновидностях тесно соседствовало в Тобольске с *исламом*. В городе прекрасно уживались русские и татары, хотя близкое соседство православных и мусульман очень беспокоило церковь. «Во время крестных ходов татары стояли на улицах в шапках и со смехом наблюдали необычное для них зрелище... Крики муэдзины с минаретов, близких к церквам, нарушали чин христианского богослужения... Только в 1757 году, когда сгорела татарская слобода, было решено переселить татар за речку Монастырку, но позже им было разрешено строить дома по русскому образцу и селиться в любом месте города»¹².

Учитывая запросы горожан неправославного вероисповедания, администрация Западной Сибири способствовала строительству храмов этих конфессий. К 1900 году на территории современной Тюменской области функционировало 137 мечетей и 63 медресе. В 1910 году в Тобольске действовали 27 православных церквей, костел, кирха, мечеть, синагога¹³.

Устойчивая религиозная веротерпимость при безусловном превалировании православия сочеталась с высокой культурой заимствования, опирающейся на форумность, интеграцию различных этнокультурных типов на разных уровнях межличностного общения. Исторически казачество легко усваивало и воспринимало лучшие этнокультурные традиции «врагов-соседей», оставаясь при этом самостоятельной общностью, не теряя этнокультурную индивидуальность. Эта черта позволила назвать казачество «озоновым слоем» российской цивилизации, воспринимающим культурный опыт сопредельных народов и сохраняющим одновременно русско-христианский (шире — славяно-христианский) культурно-исторический тип¹⁴.

Накопление исторического опыта совместной жизнедеятельности, происходящее в условиях свободного взаимодействия культурных элементов при непосредственном контакте и взаимовлиянии контактирующих культур, ускоряло и облегчало культурную адаптацию «иноземцев» к новым социокультурным реалиям. В подтверждение нашего тезиса приведем несколько исторических фактов городской культуры Тобольска XVII века.

В русском государстве XVII века различные категории служилых людей стремились к расселению слободами. В сибирских городах в начальный период русской колонизации также намечалась тенденция слободообразования, но развития не получила, наглядным примером чему является Тобольск. По данным первой Дозорной книги, в Тобольске начала XVII века было около 350 дворов, размещившихся по 23 улицам. Лицам, обозначенным как «литвины» или «иноземцы», принадлежало около 40 тобольских дворов, которые были разбросаны по всему городу чаще всего вперемешку с дворами других категорий населения¹⁵.

Опыт непосредственного взаимодействия различных межэтнических культурных конфигураций аккумулировался и в традиции корпоративной сплоченности сибирского служилого «мира», «мирского» самоуправления, восходящего к древним общерусским истокам. Сохраняющиеся в казачьей среде демократические порядки, идущие от обычаев «вольного» казачества и ермаковой дружины, полнее всего проявились в традиции казачьего круга — высшего органа самоуправления, где всякому предоставлялось право свободного мнения и решительного голоса. Выбираемый кругом атаман и есаулы были лишь исполнителями коренных обычаев и постановлений круга. В воспоминаниях Г. Н. Потанина об уральском казачестве казачья община названа «архаическим памятником древности»: «Ни в одной русской общине вы

не встретите такой солидарности населения, как здесь. Возраста, общественное положение, чины — все здесь объединено. Полковник, как и простой рыболов, чувствует, что он всеми фибрами своего тела сросся с организацией, внутри которой он родился»¹⁶. Традиции казачьего самоуправления сохранялись в Сибири до XVIII века, когда казачью общину подчинили военной коллегии.

Казачьи нормы взаимоотношений друг с другом и государственной властью оказались привлекательны для сибирского служилого люда в силу существования ряда факторов, уравнивающих этнические потоки в столь пестрой национальной городской среде. Среди этих факторов в первую очередь нужно выделить лично свободное состояние и одинаковые тяготы государственной службы, перед которыми все были равны. Обилие в Сибири того времени всякого рода экстраординарных ситуаций, общая обстановка в тобольском гарнизоне XVII века серьезно затрудняли консолидацию ссыльных на основе одного лишь «иноземства». Они в первую очередь должны были ощущать себя *частью служилого «мира» всего города*, а внутри его были объединены кругом жизненно важных интересов прежде всего «со своею братию» — служилыми своего подразделения. Так «сквозь различия реплик» возникал и прокладывал себе дорогу «дух целого».

Независимо от этнической принадлежности, казаки выполняли один и тот же круг обязанностей, решали одни проблемы. «Ратные люди конной службы — и “литва”, и “новокрещены”, и “конные казаки” — нередко объединялись в Тобольске под началом общего «головы», точно так же как ратные люди пешей службы попадали в ведение одного «казачьего и стрелецкого головы». В такой обстановке деление гарнизона по этническим признакам не могло не отступить перед его “чиновным” (по характеру службы) делением»¹⁷. Само формирующееся молодое городское общество Си-

---

бири, втянутое в развитие товарно-денежных отношений, с подвижными и в определенной степени открытыми словесными рамками, успешно перемешивало различные национальности. В этом плане Тобольск, как и любой сибирский город XVII века, был сродни западноевропейскому с его принципом: «Городской воздух делает свободным!».

Эти и другие факты тобольской истории, воссоздающие реалии «пионерного» периода жизни сибирского города, очевидно, послужили основанием утвердившегося в сибирской регионалистике вывода, сформулированного Н. И. Никитиным, а за ним и Н. А. Миненко, о завершении к концу XVII века процесса «постепенной ассимиляции и обрусения служилых иноземцев»¹⁸. Однако, исходя из понимания ассимиляции как процесса, «в результате которого в группе индивидов первоначальная культура полностью вытесняется другой культурой»¹⁹, заметим, что обозначенный выше тезис не точен. Случаи полной ассимиляции встречаются крайне редко; уместнее говорить о той или иной степени *трансформации* традиционной культуры меньшинства под влиянием культуры доминирующей этнической группы, причем, следует учитывать и обратное влияние, оказываемое культурами меньшинств на доминирующую культуру.

В контексте исследования межэтнического культурного контакта и социокультурной адаптации более оправдано, на наш взгляд, употребление термина *аккультурация*. Именно понятие аккультурации в большей степени способно охватить те явления, которые возникают в результате вхождения групп индивидов, обладающих разными культурами, в непрерывный, непосредственный контакт, вызывающий последующие изменения в изначальных культурных паттернах обеих групп. Более того, аккультурация рассматривает данные явления как *взаимодействие культур*, подчеркивая двусто-

ронный характер большинства ситуаций контакта (транскультурация)²⁰.

Исходя из данных теоретических установок, отметим, что культурная адаптация тобольских «иноземцев» в городской среде прошла через аккультурацию, но не привела к полной ассимиляции, о чем свидетельствуют уже выделенные выше факты многообразия конфессиональных традиций, которые, как известно, составляют основу культурного своеобразия народа. Говоря о специфике тобольских процессов культурной адаптации, правомерно выделение двух векторов межэтнического взаимодействия, которые мы обозначим как *аккультурацию «внутреннюю»* и *«внешнюю»*. Под «внутренним» вектором мы будем понимать адаптацию в городской среде «иноземцев», результатом которой явился «служилый человек» как проводник государственной политики на новых землях. Сложившаяся в результате «внутреннего» вектора трансформации новая культурная общность выступила, в свою очередь, донорской по отношению к аккультурации «внешней», которая проявилась как колониальная политика, направленная по отношению к автохтонному сибирскому населению. О мирном характере последней и отсутствии жесткой ассимиляции свидетельствует уже факт существования в культурном поле современного Тобольска билингвизма и устойчивой татарской субкультуры, внутри которой сохраняется этническое своеобразие и живы культурные традиции.

Конечно, встреча русского позднефеодалного города, приближающегося к нововременной западноевропейской цивилизации, с миром Азии не могла быть бесконфликтной — слишком различным был культурный уровень народов. Но важное отличие русского города в Северной Азии от поселений колонистов в Северной Америке заключалось в том, что «белый» американский город возник на землях коренных американцев —

индейцев, вытесняя последних, и часто — путем насильственной ассимиляции. Колониальную политику Московского государства, задачи которой решал русский город в полиэтничной Сибири, правомерно рассматривать как особую форму культурного взаимодействия — *региональный диалог культур*.

Выявляя типологические черты диалога культур, Ю. М. Лотман предлагает понимать последний не только как попытку «разговора на равных» двух равновеликих цивилизационных систем, но подчеркивает и раскрывает *принципиальную асимметричность отношений диалогического партнерства*. Эта позиция, как и тезис Лотмана о том, что «в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично»²¹, позволяет говорить о принципе диалогичности как основополагающем при формировании региональных культур.

Сложность адаптационных процессов, обусловленных наличием двух векторов распространения культурных влияний, а также синхронность их проявлений позволяют соотнести процессы аккультурации в Сибири конца XVI — начала XVII века с теорией «плавильного тигля», имевшей место в контексте изучения инкорпорации индейских племен США в доминирующую культуру белого населения. С данных позиций формирующееся сибирское общество являло собой огромную «творческую лабораторию», где различные культурные традиции перемешиваются и переплавляются в некое синтетическое целое. «В непосредственном трудовом общении рождалась взаимная общность, рождался новый сплав социальной и бытовой культуры»²².

Этим новым «синтетическим целым» нужно считать появление молодого сибирского общества, более однородного и адаптированного к окружающей среде, о чем свидетельствует и возникновение нового этнокультурного обозначения жителей региона — *сибиряки* (варианты: сибиряне, сибирцы). Относительно сути

возникшего термина очень тонко подметил Э. Ю. Петри: «Подобно тому, как англичанин в Северо-Американских Соединенных Штатах преобразился в янки, славянин в Сибири, с одной стороны, под влиянием измененных природных условий, а вместе и измененного образа жизни, а с другой — под влиянием смешения с инородцами подвергся замечательному превращению в сибиряка»²³.

Характеризуя сибиряка как особый психологический тип, прежде всего отметим сохраняющийся от традиций вольного казачества высокий элемент *пассионарности*. Экстремальные условия жизни, с одной стороны, и ее социальная привлекательность — с другой, приводили в ряды первых сибирских поселенцев немало сильных, смелых и вольных людей. Тем самым создавался уникальный этнический генофонд и особая духовная общность. Когда шло образование казачества, оно постоянно «подпитывалось» беспокойными людьми, уходящими от привычного образа жизни, бросавшими хозяйство и имущество, шедшими искать счастья и удачи. Основным элементом этого процесса выступал пассионарный психологический тип личности. Полиэтническое казачество вбирало в свои ряды пассионариев различных регионов, что обуславливало становление суперпассионарного психологического склада характера и развития способности этих людей к «сверхнапряжению» («богатыри», «разбойники», «гулящие люди»).

В попытке обозначить собирательный образ сибиряка визуально, создать его типологический портрет, интересна интерпретация Г. Осиповым памятника Александру III — миротворцу П. Трубецкого. Историческое место монумента — Московский вокзал — начало «большой диагонали» Петербург—Владивосток. «Транссиб» мыслился как часть трансевразийской магистрали от Гавра до Владивостока (в наши дни можно сказать — от Лондона до Токио). В праотеческом ряду Великого Сибирского пути

стоял и Тобольск, основанный в максимально удобном в транспортном отношении гидрографическом узле и утративший столичный статус вместе с вытеснением приоритета судоходной системы коммуникаций железными дорогами. Первоначальная надпись на пьедестале Александра III гласила: «Державному основателю Великого Сибирского пути». В контексте первородной надписи становится отчасти понятной стилистика монумента: могучий богатырь на еще более могучем битюге: «Только такой „добрый молодец“ на таком богатырском коне мог продраться, проломиться сквозь Каменный Пояс, сибирскую тайгу и сибирское бездорожье к Великому Океану»²⁴.

Общесибирские ментальные характеристики не могут оставаться нейтральными по отношению к локальной тобольской культуре. Об этом свидетельствует закрепление за обозначением субъекта города слова «*тоболяк*». Согласно словоупотребительным нормам русского языка, производным от топонима «Тобольск», логичнее было бы считать словообразовательную цепочку тоболянин — тоболянка — тоболяне. В данном случае имеет место очевидная фонетическая аналогия: *сибиряк* — *тоболяк* (сибирячка — тоболячка, сибиряки — тоболяки). Конечно, понятие «сибиряк» не является привилегией только тоболяков, его полноправные носители — все жители региона. Но наша аналогия не случайна, как не случаен и перенос смыслового акцента на столицу в словообороте «*Тобольский град и Сибирь*», имевшем место в XVII — начале XVIII века при обозначении зауральского региона. Менталитет сибиряка формировался, в том числе, и в Тобольске, получив здесь свое полное выражение.

Недифференцированность, широчайший спектр служебных обязанностей, дефицит людских ресурсов в ходе решения сложнейших задач по колонизации края делали общепризнанной особенно-

стью сибиряка такое качество, как *универсальность*. В XVI–XVII веках круг обязанностей служилых людей вообще не регламентировался, ограничиваясь лишь традицией и физическими возможностями исполнителей. Служилые люди сибирской столицы были знакомы со всеми видами осуществляемых за Уралом «служб». Тобольск рассылал своих людей по всей Сибири, и им приходилось выполнять самые различные поручения «в ряд» с представителями местных гарнизонов: «Во все страны летячая стрела — тоболяк езда», — так метко охарактеризовал жизнь земляков С. Ремезов²⁵. Как и во всех городах, тобольские казаки собирали ясак, стояли на караулах, сопровождали казенные грузы, этапировали ссыльных, выполняли полицейские функции. Кроме того, казаки всюду использовались как рабочая сила: служилым людям приходилось ловить рыбу «на государя», разгружать суда, «возить лес» для «городового дела», строить суда, ставить остроги, крепостные сооружения, административные здания и делать прочие «государевы изделия», не оставляя вместе с тем сугубо ратные дела. Были у гарнизона главного города Сибири и специфические обязанности. Тоболякам чаще, чем представителям других городов, поручались почетные и ответственные «службы», и прежде всего — посольская.

Будучи до конца XVII века наиболее многочисленной категорией населения, служилые люди должны были взять на себя задачи хозяйственного освоения региона. К началу XVIII века казачьи семьи преобладали среди местных хлебопашцев и составляли немалую часть земледельческого населения Тобольского уезда. В результате не только города, но и множество сельских поселений основаны в Сибири служилыми людьми.

К началу XVIII века тобольские казаки составляли абсолютное большинство местных ремесленников. В это время в Тобольске известно уже 60 ремесленных

специальностей, а сибирские города в целом догнали и превзошли уровень старорусских городов. Наиболее яркий показатель последнего — Тобольск, где ремесленное население с 1623–1700 годов возросло в 15 раз, и по количеству ремесленников он перерос такие города, как Ростов, Тула, Суздаль, Устюг Великий, Углич. По развитию ремесла тобольяки занимали первое место в Сибири, и лишь в конце XVIII века, после пожара 1788 года, уступили Тюмени²⁶.

Средством и следствием развития сельского хозяйства, ремесел и промыслов была торговля, расцвет которой закономерен для эпохи первоначального освоения колонизируемых земель. Весной, сразу после вскрытия рек, в Тобольск прибывали купцы с российскими и европейскими товарами; летом — караваны из Средней Азии; осенью шли барки с сибирскими и китайскими товарами. В 1750 году через тобольскую таможенную пошлину прошли 208 купцов из 33 городов России²⁷. Для иногородних и иноземных купцов на нижнем и верхнем посадах были выстроены два гостиных двора. Русское купечество внесло немалый вклад в становление суперпассионарности казачества. Занятие купеческой деятельностью в условиях становления торговых связей, длительных и опасных путешествий, риска имуществом и жизнью требовали наличия особых психологических качеств личности — предприимчивости и пассионарности, что соответствовало и психологическому складу сибиряка, приводя к органическому слиянию тех и других.

Присоединение к Российскому государству Сибири и ее социально-экономическое освоение было не единственным результатом деятельности служилых людей. Свыше столетия самая передовая европейская наука черпала сведения о Северной Азии почти исключительно из тех материалов, что удавалось получить из «отписок», «чертежей», «распросных речей» сибирских казаков. Усилиями

служилых людей XVII века был заложен фундамент всех последующих знаний о Сибири.

Исторический опыт Тобольска свидетельствует о неисчерпаемости региональных культур как истока и почвы для рождения интереснейших культурных феноменов, формирования творческих личностей. Перспективная жизнеспособность и историко-культурная специфика русского города в Сибири как материализованного результата колониционной политики Московского государства XVI–XVII веков определяется историческим взаимодействием с культурными и политическими образованиями народов, государств, городов сопредельных регионов. Квинтэссенция угорского и тюркского этнокультурных начал, лежащих в основании исторического фундамента Тобольска, дополнялась и расширялась в ходе становления и развития города европейскими и азиатскими этнокультурными формами, как и собственно русскими национальными традициями в их региональном многообразии. Этот непрерывный процесс находит продолжение в настоящей истории города и региона. Этнокультурное пространство современной Тюменской области представлено 120 национальностями (из 150 проживающих в России), среди которых — коренные народы севера и 400 тыс. мусульман. Тобольск остается региональным духовным центром двух конфессий — православной и мусульманской. В области действует Координационный совет национально-культурных объединений, в 1999 году впервые на региональном уровне разработана концепция национальной политики²⁸.

Региональное своеобразие тобольской культуры заключается не только в уникальном синтезе черт и форм различного происхождения, межкультурном взаимодействии как основном условии формирования культуры города, но, прежде всего, в общих целях и интересах людей, составивших основу поли-

этнической сибирской цивилизации Нового времени и сформировавших в пределах историко-культурной зоны Тобольска новую социокультурную общ-

ность в ее региональном (сибиряк) и локальном (тоболяк) самоопределении в культурно-исторических координатах места и времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Сайко Э. В.* Древнейший город. Природа и генезис. Ближний Восток. IV–II тыс. до н. э. М., 1996. С. 149.

² См.: *Савельева Л. П.* Новозеландский колонист и сибирский поселенец: Опыт социокультурного сравнения // *Восток*. 1995. № 4. С. 71–78.

³ *Катанаев Г. Е.* Западно-Сибирское казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1. С. 115.

⁴ *Никитин Н. И.* Начало казачества в Сибири. М., 1996. С. 94.

⁵ *Шилов Ю. А.* Праистория Руси // *Начала цивилизации*. Екатеринбург; М., 1999. С. 217–301; *Катанаев Г. Е.* Цитир. изд. С. 115.

⁶ См.: *Благова Г. Ф.* Историческое взаимодействие слов «казак» и «казах» // *Этнонимы: Сб. статей*. М., 1970. С. 140–146; *Козлов А. И.* Откуда пошли и кто такие казаки // *Проблемы истории казачества*. Волгоград, 1995. С. 163–182; *Миненко Н. А.* Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.* / Под ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1993. С. 3–16.

⁷ *Катанаев Г. Е.* Цитир. изд. С. 3.

⁸ *Сафонов В.* Александр Гумбольдт. М., 1959. С. 130.

⁹ См.: *Калтахчян А. С.* Казаки в России, их религиозные и культурные традиции // *Религии современной России: Словарь* / Под ред. М. П. Мчедлова. М., 1999. С. 151–155; *Римский С. В.* Казачество, религия, терпимость // *Международная жизнь*. 1992. №7. С. 89–93.

¹⁰ *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. СПб., 1898. С. 172; *Румянцева В. С.* «Житие» протопопа Аввакума как исторический источник: Автореф. дисс... д-ра истор. наук. М., 1971. С. 34.

¹¹ *Куприянов А. И.* Русский город в перв. пол. XIX в.: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 39.

¹² *Куприянов А. И.* Цитир. изд. С. 43.

¹³ *Алисов Д. А.* Социально-культурный облик «провинциальной столицы» (Тобольск в конце XIX — нач. XX вв.) // *Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (г. Тобольск, 25–27 ноября 1997 г.)*. Тобольск, 1997. С. 42–44; *Нуруллаев А. А.* Ислам и культура // *Религии современной России: Словарь* / Под ред. М. П. Мчедлова. М., 1999. С. 126–129.

¹⁴ *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — перв. четв. XIX вв. Барнаул, 1996. С. 226.

¹⁵ *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. // *Город и горожане в России в XVII — перв. пол. XIX вв.* М., 1991. С. 47–72.

¹⁶ *Потанин Н. Г.* Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 71.

¹⁷ *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. // *Город и горожане в России в XVII — перв. пол. XIX вв.* М., 1991. С. 47–72.

¹⁸ *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 41; *Миненко Н. А.* Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.* / Под ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1993. С. 3–16; *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. // *Город и горожане в России в XVII — перв. пол. XIX вв.* М., 1991. С. 6.

¹⁹ *Билз А.* Аккультурация // *Антология исследований культуры*. СПб., 1997. С. 352.

²⁰ Там же.

---

²¹ *Лотман Ю. М.* Проблемы византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь / Под ред. Г. К. Вагнера. М., 1989. С. 229.

²² *Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 69.

²³ Цит. по: *Савельева Л. П.* Новозеландский колонист и сибирский поселенец: опыт социокультурного сравнения // Восток. 1995. № 4. С. 72.

²⁴ *Осинов Г.* Хребет российского медведя (Великий Сибирский путь в контексте истории и геополитики) // Новое время. 1996. № 12. С. 41.

²⁵ *Гольденберг Л. А.* Изограф земли сибирской. (Жизнь и труды С. Ремезова). Магадан, 1990. С. 391.

²⁶ *Копылов Д. И., Прибыльский Ю. П.* Тобольск. Свердловск, 1975. С. 224.

²⁷ Там же.

²⁸ *Ермакова Л.* Нам нужен здоровый консерватизм (беседа с губернатором Тюменской области Л. Рокецким) // Эхо планеты. 1999. № 2. С. 15–17.

L. Dmitrijeva

CULTURAL ANTHROPOLOGY OF SIBERIA AND TOBOLSK OF THE XVI–XVIII CENTURIES

Colonial processes in Siberia (from the end of the 16-th century up to the beginning of the 18-th century) as a special variant of historical development, as well as the laws of the formation of Siberian society and city culture of Tobolsk are regarded by means of the analyzing ethnoconfessional environment of the city.